

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Северный Алтай: динамика идентичностей коренного населения сквозь призму науки и политики

Статья посвящена изменению идентичностей коренного населения Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) вследствие политических решений и научных исследований. Выявлено, что после принятия законодательных мер (в 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев») и административно-территориальных преобразований исследователи стали выделять этнические сообщества Северного Алтая среди коренного населения Южной Сибири. В.В. Радлов стал первым исследователем, описавшим кумандинцев, черневых татар (тубаларов) и «лебединских татар» (челканцев). Показано, что большая часть исследователей обращали внимание на кумандинцев. Кумандинцы в этническом плане были более четко выражены. Рассмотрены результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., указывающие на популярность среди коренного населения Северного Алтая таких наименований, как «алтаец», «татарин», «кумандинец» и «инородец». Административный фактор обуславливал четкую градацию этнонимов по границам волостей. Дана характеристика изменения определений кумандинцев, тубаларов и челканцев на протяжении XX – начала XXI в. Выявлено сохранение этих этнонимов во всех советских переписях. Продолжались этнографические исследования коренного населения Северного Алтая. В 1990–2000-е гг. кумандинцы, тубалары и челканцы были признаны коренными малочисленными народами. Они получили гарантии на государственном уровне в сфере защиты их культуры и среды проживания. В 2010 г. был предложен самый обширный перечень национальностей за всю историю отечественных статистических наблюдений. Появились идентичности алтаец-кумандинец, -тубалар и -челканец, что стало следствием общественно-политических процессов в регионе. В научных исследованиях кумандинцы, тубалары и челканцы вновь стали определяться как самостоятельные народы. Идентичность кумандинцев, тубаларов и челканцев менялась под влиянием политических решений, принятия законов, административных практик. Исследователи двигались в фарватере политических решений.

Ключевые слова: кумандинцы, тубалары, челканцы, Северный Алтай, идентичность, наука, политика.

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

The Northern Altai: Dynamics of Indigenous Identities through the Lens of Science and Politics

This article discusses changing identities of the indigenous population of the Northern Altai (the Kumandins, Tubalars, and Chelkans), resulting from political decisions and scholarly research. After enactment of the Charter on the Administration of Ethnic Minorities in 1822 as well as administrative and territorial transformations, scholars began to distinguish ethnic communities of the Northern Altai from other indigenous peoples of Southern Siberia. V.V. Radlov was the first scholar to describe the Kumandins, Black Tatars (Tubalars), and “Lebedinsky Tatars” (Chelkans). The majority of scholars focused their studies on the Kumandins who were more clearly distinguished from the ethnic point of view. The results of the All-Russian Agricultural Census of 1917 indicate the popularity of such designations as “Altaiian,” “Tatar,” “Kumandin,” and “member of ethnic minority” (“inorodets”) among the indigenous population of the Northern Altai. The administrative factor stipulated a

clear gradation of ethnic names along the boundaries of municipalities. Changes in the definitions of the Kumandins, Tubalars, and Chelkans in the 20th – early 21st century are described. These ethnic names survived in all Soviet censuses. In the 1990s – 2000s, the Kumandins, Tubalars, and Chelkans were recognized as indigenous minorities; they received state guarantees on protection of their culture and living environment. In 2010, the most extensive list of ethnicities in the entire history of statistical observations in Russia was proposed. New ethnic identities of the Altaian Kumandins, Altaian Tubalars and Altaian Chelkans emerged from social and political processes in the region. In scholarly studies, the Kumandins, Tubalars, and Chelkans began to be identified again as independent ethnicities. The identity of the Kumandins, Tubalars and Chelkans changed under the influence of political decisions, adoption of laws, and administrative practices, while scholars followed political decisions.

Keywords: Kumandins, Tubalars, Chelkans, Northern Altai, identity, science, politics.

Кумандинцы, тубалары и челканцы – небольшие по численности коренные народы, традиционная территория расселения которых охватывает Республику Алтай, Алтайский край и Кемеровскую обл. В настоящее время на законодательном уровне за ними закреплен статус коренных малочисленных народов. В работе будет рассмотрена динамичность североалтайских идентичностей вследствие политических и академических коллизий.

Идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе. Для данной работы важно замечание Л.М. Дробуже-вой «об этничности как о гибком разноуровневом и зависимом от социального, политического контекста явлении» [Дробужева, 2018, с. 81–82]. В 1610–1620-х гг. жители Северного Алтая были объяснены представителями российской администрации. Длительное время они находились в положении двоedanцев. Кумандинские татары до начала XVIII в., а черневые до середины XVIII в. имели статус троedanцев. В середине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства, население Северного Алтая было включено в состав России [Потапов, 1953, с. 118–119]. Встраивание новых этнических сообществ в российскую социально-политическую реальность было обеспечено принятием в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», разработанного М.М. Сперанским. Длинный список преференций, сопряженный с социальным таксоном «инородец», способствовал широкому бытованию данного квазиэтнонима и его закреплению в самосознании коренного населения Северного Алтая. Введение в 1824 г. поразрядной системы М.М. Сперанского, согласно которой предполагалось, с одной стороны, постепенное нивелирование сословных границ, а с другой, выделение этнических сообществ Сибири. Так, права «оседлых инородцев» и крестьянского сословия были приравнены (кроме рекрутской повинности), а кочевые составили особую сословную группу [Сатлаев, 1994, с. 5; Шерстова, 2005, с. 131].

Большая часть коренного населения региона была определена как «кочевые инородцы» с родовым управлением – инородной управой. «Оседлыми инородцами» было маркировано то население,

которое в значительной степени испытало ассимиляционное и аккультурационное влияние пришло-го населения. Именно среди подвергшихся ассимиляции «быстрянцев» и других сообществ квазиэтноним «инородец» получил широкое распространение и отчасти сохранился вплоть до середины XX в. В похозяйственных книгах некоторых сельских советов в границах предгорий Северного Алтая (например, Сузопский с/с) вплоть до 1940-х гг. в графе национальность часто указывалось – «инородец». Неудивительно, что после принятия законодательных мер и административно-территориальных преобразований, исследователи стали выделять этнические сообщества Северного Алтая среди коренного населения Южной Сибири. В.В. Радлов стал первым исследователем, описавшим кумандинцев, черневых татар (тубаларов) и «лебединских татар» (челканцев) [Радлов, 1989, С. 92–93]. В.И. Вербицкий выделял «северных алтайцев», противопоставленных в этнокультурном, лингвистическом и антропологическом аспектах южным алтайцам [Вербицкий, 1993, с. 21]. В первой половине XIX в. исследователи испытывали трудности с этнической характеристикой коренного населения, напр., Г.П. Гельмерсен, назвавший их телеутами [Гельмерсен, 1840].

В начале XX в. количество работ в первую очередь о кумандинцах заметно увеличилось. Были изданы статьи Н.Б. Шерра [Шерр, 1903] и Н. Богатырева [Богатырев, 1908], специально посвященные кумандинцам. Столь пристальный интерес к данному сообществу, с одной стороны, был связан с их территориальной близостью к г. Бийску и сравнительно большей доступностью их поселений. С другой стороны, кумандинцы в этническом плане были более четко выражены. Неслучайно по итогам статистического обследования Алтая и сопредельных территорий, проведенного на рубеже XIX–XX вв. С.П. Швецовым, только один из томов был посвящен конкретному этническому сообществу, этноним которого был вынесен в название работы, – кумандинцам [Горный Алтай..., 1903]. Ряд других томов был посвящен «черневым инородцам Кузнецкого уезда», «кочевникам Бийского уезда», «оседлым инородцам», «кочевникам Горного Алтая».

В ходе администрирования и землеустройства на Алтае в начале XX в., в частности, 28 кумандинских айлов рассматривались как единая общность. Коренным жителям с их согласия был выделен общий надел [Николаев, 2012, с. 31]. В то же время в ходе административно-территориальных и иных изменений 1912–1914 гг. коренное население фактически оказалось на одном правовом и экономическом уровне с крестьянами. Из названия административных образований был убран этнический подтекст. Исключением оказалась лишь Нижне-Кумандинская волость [Сатлаев, 1974, с. 29; Шерстова, 2005, с. 230–231, 239–243].

Таким образом, административные практики XIX в. вкпе с законодательными мероприятиями («Устав об управлении инородцев»), направленными на этносоциальное конструирование нового инородческого сословия, обуславливали дробление, в том числе сопровождавшееся включением маргинальных групп в состав крестьянских волостей, этнической карты Алтая и во многом способствовали консолидации этнических сообществ. Администрирование начала XX в., землеустройство и сопутствующая ему крестьянская колонизация, а также миссионерские практики (открытие Алтайской духовной миссии в 1828 г.) были нацелены, напротив, на размежевание коренного населения, его ассимиляцию и аккультурацию и последующее их включение в крестьянское сословие. В реальности подобные меры имели неоднозначные последствия, активируя этническое противопоставление как в отношении пришлого населения, так и южноалтайского. Отмеченные этнополитические, этносоциальные и этнокультурные процессы приводили к трансформации структуры идентичностей коренного населения Северного Алтая. В последней трети XIX в. исследователи отчетливо стали выделять этнические сообщества региона. В то же время их идентичность еще была неустойчивой. Под влиянием законодательных мероприятий среди автохтонов получил широкое распространение квазиэтноним «инородец». Параллельно в XIX в. происходило закрепление самоназваний: тадар-кижи, тадарлар (кумандинцы); йыш-кижи (тубалары); куу-кижи (челканцы).

В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в ходе которой со слов главы домохозяйства фиксировалось самоопределение, отразился ход этнических процессов. Сеюковые наименования и экзоэтнонимы, в том числе закрепленные в административных названиях в прошлые столетия, практически не упоминались респондентами. Наиболее популярными среди аборигенов Северного Алтая были наименования «алтаец» (841 чел. или 37,7 %), «татарин» (691 чел. или

31 %), «кумандинец» (305 чел. или 13,7 %) и «инородец» (116 чел. или 5,2 %). На территории расселения кумандинцев сравнительно широко были представлены этноним «кумандинец», «татарин», «алтаец», «инородец» и «инородец-татарин». В материалах переписи были зафиксированы самоназвания «чалган» и «чалканец», «шелканский инородец», представленные в рамках Лебедской волости. Среди тубаларов были распространены этнонимы «алтаец» и «калмык» [Николаев, 2018, с. 82–96]. Аналогичные этнические наименования были широко представлены в Центральном и Южном Алтае. Стоит отметить отсутствие этнонима «тубалар» в материалах переписи. Административный фактор обуславливал четкую градиацию этнонимов по границам волостей. Вследствие комплекса причин, способствовавших ассимиляции и аккультурации, происходило размывание этнического самосознания, выражавшееся в том числе в причислении себя к крестьянскому сословию и т.д.

В 1920-е гг. началось формирование советской модели патернализма. Продолжились практики этнополитического и этнотерриториального районирования, началась «коренизация» управленческого аппарата, а также культурно-просветительских и образовательных структур. Образование Каракорумского уезда 30 декабря 1918 г., в последующем переименованного в Горно-Алтайский уезд, а 1 июня 1922 г. преобразованного в Ойротскую автономию (совр. Республика Алтай), определило направленность этнических процессов в регионе. В состав Ойротской автономии были включены территории традиционного проживания тубаларов, челканцев и, частично, кумандинцев. В то же время большинство кумандинцев оказались за пределами нового административного образования, наименование которого на протяжении XX в. неоднократно менялось, в то время как его границы оставались неизменны. В ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1926 г. были определены следующие наименования: в отношении кумандинцев, в составе которых предлагалось учитывать челканцев: «кумандинцы», «кукиши», «лебединцы», а применительно к тубаларам: «черневые татары», «тубакииш», «тубалар» [Программы и пособия..., 1927, с. 4].

В 1930-е гг. началось активное изучение культуры коренных народов Алтая. Появились публикации Н.П. Дыренковой [Дыренкова, 1936; и др.], в том числе посвященные кумандинскому фольклору, а также Л.П. Потапова [Потапов, 1937; и др.]. В одной из работ Н.П. Дыренковой [1936, с. 70] кумандинцы были обозначены как «этнографическая группа» наряду с телеутами. Схожую позицию занимал Л.П. Потапов [1937, с. 3], выделяя в одной

из своих первых работ в составе алтайцев «четыре племенные группы»: «тубаларов, челканцев, кумандинцев и ойротов». В одной из последующих своих работ Л.П. Потапов [1969, с. 14] резюмировал, что «под влиянием новых общественно-экономических процессов ныне исчезло практически деление алтайцев на родоплеменные или территориальные группы».

Утверждение Л.П. Потапова скорее соответствовало веяниям времени, чем этнополитической реальности в регионе. Несмотря на включение кумандинцев, тубаларов и челканцев в состав алтайской социалистической народности, этнонимы продолжали сохраняться в научном и общественно-политическом дискурсе. В большей степени это касалось кумандинцев, которые были отделены от алтайцев административными границами. Так, в паспортах кумандинцев Алтайского края в графе национальность продолжали указывать «кумандинец» [Николаев, 2012, с. 90–91]. Сохранялось обособленное проживание тубаларов и особенно челканцев, значительная часть которых до середины XX в. проживала в бассейне р. Лебедь. Присутствие «родоплеменных» этнонимов во всех советских переписях также указывает на их устойчивость в этнической памяти автохтонов. В словарях национальностей СССР, составлявшихся перед проведением переписи, продолжали бытовать этнонимы «кумандинцы», «тубалары», «челканцы» или их вариации.

Более того, во второй половине XX в. появляются публикации о кумандинцах. В 1953 г. выходит в свет публикация первого этнографа-кумандинца П.И. Каралькина о культуре своих соплеменников, который в отличие от остальных исследователей уклонился от отождествления родного этнического сообщества с алтайцами, ограничившись формулировками «так называемые северные алтайцы» и «малая народность» [Каралькин, 1953, с. 29, 35]. Важной вехой в изучении традиционной культуры кумандинцев стало издание монографии этнографа-кумандинца Ф.А. Сатлаева «Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)» [Сатлаев, 1974]. Собственно сам Л.П. Потапов [Потапов, 1968; 1972; 1974] посвятил ряд работ теме этногенеза кумандинцев, тубаларов и челканцев.

В конце 1980-х гг. этнополитическая ситуация в регионе и в целом в стране резко изменилась. Во многих регионах в это время формируется общественное движение, призванное защищать интересы небольших этнических сообществ и сохранять их культуру и язык. В частности, на Алтае одним из первых было организовано общество «Эне Тил», созданное в 1989–1990 гг. для реше-

ния вопросов, связанных с этнокультурным развитием коренного населения региона. Определения кумандинцев, тубаларов и челканцев в редких научных публикациях 1990-х гг. сдержанные, аналогичные тем, что были предложены П.И. Каралькиным в середине столетия: «в понятие “северные алтайцы”, наряду с челканцами и тубаларами, обычно включают и кумандинцев» [Славнин, 1990, с. 132], «челканцы – небольшая тюркоязычная сообщество, которую в научной литературе в советское время было принято считать одной из этнографических групп северных алтайцев, наряду с кумандинцами и тубаларами» [Функ, 2000, с. 3]. Как видно из состава «северных алтайцев» исследователи исключили шорцев, а их отношение к алтайцам не упоминается. В то же время в работах целого ряда исследователей сохраняется историографическая традиция прошлых лет, согласно которой алтайцы представляют собой единый народ [Екеева, 2003; и др.]. Как отмечала Н.М. Екеева [2003, с. 238–239], «негативно сказывается на единстве и национальных отношениях разделение алтайского этноса на коренные малочисленные народы», а «алтайцы северных районов: кумандинцы, тубалары, чалканцы» стремятся быть включенными в «реестр малочисленных народов России» в надежде, что «их проблемы будут разрешены за счет дополнительного финансирования из федерального и местного бюджетов, разработки и принятия специальных программ развития».

В то время, как в научных публикациях сохранялась риторика прошлых десятилетий, в 1990–2000-е гг. происходили значительные законодательные преобразования, связанные с признанием коренных малочисленных народов на государственном уровне и защите их культуры и среды проживания: Постановление Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации за № 4538-1 от 24.02.1993 г., согласно которому кумандинцы были отнесены к малочисленным народам Севера, Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» и т.д.

В рамках подготовки Всероссийской переписи населения 2002 г. набор этнонимов был существенно расширен. По итогам статистического обследования были зафиксированы кумандинцы (3 072 чел.), а также кубанды (3 чел.), куманды (25 чел.), орё куманды (6 чел.), тадары (6 чел.), тадар-кижи (6 чел.), тюбере куманды (3 чел.), а также туба (105 чел.) и тубалары (1 460 чел.), чалканцы (259 чел.) и челканцы (596 чел.) [Перечень..., 2002]. В 2010 г. был предложен самый обширный перечень национальностей за всю историю отечественных статистических наблюдений.

Актуальными для автохтонов Северного Алтая оказались лишь кумандинцы, алтайцы-кумандинцы, карга, куманды, тадар, шабат, тубалары, алтай-туба, алтайцы-тубалары, туба, челканцы, ак паш, аксак, алтайцы-чалканцы, алтайцы-челканцы, алыян, бардыйак, кара тювен, кертен, кёрюкейлер, колчач, коргунак, кызыл кёс, кюзен с языком челканским, ньондукой, тьеткыр, чалканду, чалканцы [Национальный состав..., 2012]. На смену экзоэтнонимам пришли сеоковые наименования. Появление идентичностей алтаец-кумандинец, -тубалар и -челканец стало следствием общественно-политических процессов в регионе, направленных на возвращение в лоно «единого алтайского народа» кумандинцев, тубаларов и челканцев на правах этнотерриториальных и этнолокальных групп (напр.: [Блюм, Филиппова, 2003]).

Вслед за изменением политических трендов формулировки в отношении коренного населения Северного Алтая были также переосмыслены: «малочисленная этническая группа Сибири» [Бельгибаев, 2004, с. 5]; «коренной тюркский этнос Северного Алтая» [Назаров, 2013, с. 3]. Неоднозначно представлены кумандинцы, тубалары и челканцы в томе «Тюркские народы Сибири» академической серии «Народы и культуры». Кумандинцы выделены в структуре тома как отдельный народ, в отличие от тубаларов и челканцев, расположенных в разделе «Алтайцы». Кумандинцам дана четкая характеристика: «тюркский народ», как и тубаларам: «малочисленный тюркский народ», челканцы – «группа», «современное этническое развитие челканцев тесно связано с общими процессами самоопределения малочисленных народов России» [Тюркские народы..., 2006, с. 324, 463, 489, 491]. Параллельно началось осмысление истории и современного положения кумандинского народа собственно кумандинской интеллигенцией [Тукмачев-Соболеков, 2001; и др.].

Кумандинцы, тубалары и челканцы формировались на протяжении нескольких столетий. Их идентичность неоднократно претерпевала изменения под влиянием тех или иных политических решений, принятия законов, затрагивающих жизнь коренного населения Северного Алтая, и административных практик. Исследователи двигались в фарватере политических решений.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 300 с.

Блюм А., Филиппова Е. Республика Алтай, Алтайский край. Перепись на Алтае // Этнография переписи – 2002 г. – М.: Авиаздат, 2003. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_etnografy5/etnografy/perepis200.html (дата обращения: 21.08.2022).

Богатырев Н. Об ореховом и зверовом промысле кумандинских инородцев Бийского уезда // Алтайский сборник. – Барнаул, 1908. – Т. IX. – С. 1–31.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.

Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1–2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.

Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. – Т. 3, вып. 4. Экономические таблицы. – 253 с.

Дробижва Л.М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 74–100.

Дыренкова Н.П. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // СЭ. – 1936. – № 6. – С. 70–84.

Екеева Н.М. Современное состояние национальных отношений в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сб. Мат-лы VI междунар. семинара. – Новосибирск, 2003. – С. 236–239.

Каралькин П.И. Кумандинцы // КСИЭ. – Л., 1953. – Вып. 18. – С. 29–38.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – М.: Статистика России, 2012. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.08.2022).

Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2013. – 192 с.

Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

Николаев В.В. Этнодемографическая и этносоциальная характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая: по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 143 с.

Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность» Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (дата обращения: 21.08.2022).

Потапов Л.П. Пережитки родового строя у северных алтайцев (по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). – Л.: Изд-во Гос. музея этнографии, 1937. – 18 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 316–323.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.

Потапов Л.П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 52–66.

Потапов Л.П. Заметки о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. – С. 304–314.

Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. – М.: Изд-е ЦСУ СССР, 1927. – Вып. 7: Перечень и словарь народностей. – 12 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд., 1974. – 199 с.

Сатлаев Ф.А. Предисловие // Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – С. 3–6.

Славнин В.Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 132–146.

Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. – Бийск, 2001. – 195 с.

Тюркские народы Сибири / Э.Л. Львова, И.И. Назаров, Н.А. Томилов и др. – М., 2006. – 678 с.

Функ Д.А. Предисловие ответственного редактора // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Алтаистические исследования. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т.3. – С. 3–6.

Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. – Т.V. – С. 81–114.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.

References

Bel'gibaev E.A. Traditsionnaya material'naya kul'tura chelkantsev basseina r. Lebed' (vtoraya polovina XIX–XX v.). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004. 300 p. (In Russ.).

Blyum A., Filippova E. Respublika Altai, Altaiskii krai. Perepis' na Altae. In *Etnografiya perepisi – 2002*. Moscow: Aviaizdat Publ., 2003. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_etnografy5/etnografy/perepis200.html (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Bogatyrev N. Ob orekhovom i zverovom promysle kumandinskikh inorodtsev Biiskogo uyezda. In *Altaiskii sbornik*, Barnaul, 1908. Vol. IX. P. 1–31. (In Russ.).

Drobizheva L.M. Izuchenie etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnoshenii v sotsiologii. In *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otnoshenii i istorii natsional'noi politiki*. Moscow: IEA RAS Publ., 2018. P. 74–100. (In Russ.).

Dyrenkova N.P. Otrazhenie bor'by materinskogo i ottsovskogo nachala v fol'klоре teleutov i kumandintsev. *Sovetskiya etnografiya*, 1936. N 6. P. 70–84. (In Russ.).

Ekeeva N.M. Sovremennoe sostoyanie natsional'nykh otnoshenii v Respublike Altai. In *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Tematicheskii sbornik. Materialy VI mezhdunarodnogo seminara*. Novosibirsk, 2003. P. 236–239. (In Russ.).

Funk D.A. Predislovie otvetstvennogo redaktora. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka. Altaisticheskie issledovaniya*. Moscow: IEA RAS Publ., 2000. Vol. 3. P. 3–6. (In Russ.).

Ge'l'mersen G.P. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya. *Gornyi zhurnal*. St. Petersburg, 1840. Pt. 1. Book 1–2. P. 40–61, 238–261, 420–446. (In Russ.).

Gornyi Altai i ego naselenie. Kochevniki Biiskogo uyezda. Kumandinty. Barnaul: Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altaiskogo okruga, 1903. Vol. 3. Iss. 4: Ekonomicheskie tablitsy. 253 p. (In Russ.).

Karal'kin P.I. Kumandinty. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. Leningrad, 1953. Iss. 18. P. 29–38. (In Russ.).

L'vova E.L., Nazarov I.I., Tomilov N.A. et al. (eds.) Tyurkskie narody Sibiri. Moscow, 2006. 678 p. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo: itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. Moscow: Statistika Rossii Publ., 2012. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Nazarov I.I. Kumandinty: traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013. 192 p. (In Russ.).

Nikolaev V.V. Etnodemograficheskoe razvitie korenного naseleniya predgorii Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 312 p. (In Russ.).

Nikolaev V.V. Ethnographic and ethnosocial characteristics of the indigenous population of the Northern Altai foothills: according to the All-russian agricultural census in 1917. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 143 p. (In Russ.). doi: 10.17746/78030283-4.2018

Perechen' vstretyshikh v perepisnykh listakh variantov samoopredeleniya naseleniya po voprosu «Vasha natsional'naya prinadlezhnost'» Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Potapov L.P. Perezhitki rodovogo stroya u severnykh altaitsev (po materialam ekspeditsii v Oirotiyu v 1936 g.). Leningrad: Gosudarstvennogo muzeya etnografii Publ., 1937. 18 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 444 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Iz etnicheskoi istorii kumandintsev. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii*. Moscow: Nauka, 1968. P. 316–323. (In Russ.).

Potapov L.P. Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Tubalary Gornogo Altaya. In *Etnicheskaya istoriya narodov Azii*. Moscow: Nauka, 1972. P. 52–66. (In Russ.).

Potapov L.P. Zametki o proiskhozhdenii chelkantsev-lebedintsev. In *Drevnyaya Sibir'*. Novosibirsk: Nauka, 1974. Iss. 4: Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri. P. 304–314. (In Russ.).

Programmy i posobiya k razrabotke Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 goda. Moscow: TsSU USSR Publ., 1927. Iss. 7: Perechen' i slovar' narodnostei. 12 p. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (In Russ.).

Satlaev F.A. Kumandinty (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaysk: Alt. kn. Publ., 1974. 199 p. (In Russ.).

Satlaev F.A. Predislovie. In *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii («Ustav ob inorodtsakh» M.M. Speranskogo i zemel'naya politika Rossiiskoi imperii v Sibiri v XVII–XX vv.)*. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 1994. P. 3–6. (In Russ.).

Sherr N.B. Iz poezdki k kumandintam v 1898 godu. In *Altayskii sbornik*. Barnaul: Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altayskogo okruga, 1903. Vol. V. P. 81–114. (In Russ.).

Sherstova L.I. Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 312 p. (In Russ.).

Slavnin V.D. Pogrebal'nyi obryad kumandintsev. In *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1990. P. 132–146. (In Russ.).

Tukmachev-Sobolekov L.M. U istokov drevnego Altaya. Biisk, 2001. 195 p.

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 1993. 268 p. (In Russ.).

Николаев В.В. <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>